

11 марта, Лос-Анджелес

-Я... я все скажу, только оставьте меня в живых! — простонал мужчина, хватаясь за голову. Казалось, что тяжеленный молот расколол ее надвое — удар у Китайца был ужасающей силы.

— Конечно, ты скажешь, — произнес Китаец на английском с сильным герцословацким акцентом. — Итак, если хочешь жить, говори, где пять миллионов!

— Я их не брал! — взмолился мужчина. Китаец со всей силы пнул его.

Тот потерял сознание, а когда очнулся, то увидел, что находится внутри небольшого фургона. Рядом была его жена. Испуганная, окровавленная, связанная, рот залеплен скотчем. Она пыталась что-то произнести, но эти звуки больше походили на мычание.

— Ну что, — Китаец склонился над женщиной и, схватив за волосы, приподнял с грязного пола фургона. — Теперь твоя память прояснилась? Ты так и не вспомнил, где деньги? Если нет, то... Давайте, парни, покажите, на что вы способны!

Сообщники Китайца — а их было двое: рослый дегенерат с рыжей козлиной бородкой и лысый бугай в кожаной куртке с изображением черепа — схватили женщину. Та начала сопротивляться, извиваясь и пы-

таясь освободиться. Тот, что с бородкой, ударил ее по лицу, она вскрикнула. Он взял ее за шею, а другой рукой нанес серию ударов прямо в лицо.

Мужчина лежал и слушал, как истязают его жену. Что он мог сделать? Если скажет, где деньги, его убьют, это точно. Если не скажет, его все равно убьют. Китаец был самым свирепым и безумным мафиози в Лос-Анджелесе. Он прибыл сюда из Герцословакии, из этой идиотской посткоммунистической страны на Балканах, где самый весомый аргумент — сила. Зря мужчина согласился работать на мафию, хотя именно это позволило ему купить шикарный особняк, небольшой домик во Флориде, обзавестись собственным катером, белоснежным красавцем, мечтой его детства.

И вот в одночасье все изменилось — зачем он только решил, что денег у мафиози и так много и пропажу нескольких миллионов никто не заметит? Еще бы пару часов — и они бы с женой скрылись, все было готово, где-нибудь в Южной Америке или Новой Зеландии они провели бы остаток жизни в достатке и покое.

— Ты все еще не хочешь говорить? — Китаец наступил ему на шею тяжелым ботинком. — Что, задыхаешься? Тебе нечем дышать? Хочется жить?

Затем мафиози отдал несколько команд на гортанном герцословацком языке. Бухгалтер мафии смотрел с все возрастающим ужасом на то, как подонок в кожаной куртке достал небольшую ацетиленовую горелку. Голубоватое пламя, вспыхнув, загудело.

— У тебя есть еще десять секунд, чтобы сказать мне, где пять миллионов, — гнусаво продолжил Китаец.

Бухгалтер взглянул в его раскосые глаза. В них светилась безумие и ярость. Он слышал, что и в растреклятой Герцословакии Китаец считался одним из самых свирепых и, что самое ужасное, неуправляемых мафиози. Как было хорошо во времена «холодной войны» — Америка жила спокойно, герцословаки обитали на Балканах, пили сливовую водку вместе с медведями, не лезли в чужие дела. Теперь они заполонили Штаты, прибрали к рукам проституцию, игорный бизнес, торговлю

наркотиками и оружием. Ему, как бухгалтеру, приходилось работать и на азиатов, и на итальянцев, и даже на негров. Все они отличались изощренной жестокостью, но герцословаки превзошли всех — они убивали из прихоти, для них смерть была обычной забавой. Но ему так не хотелось умирать!

Сподручный Китайца поднес гудящую горелку к лицу женщины. Та завизжала, пытаясь отклониться от огня.

— Рассказать, что сейчас произойдет с ней? — произнес Китаец. — Сначала начнет тлеть кожа, потом сгорят ткани лица. Затем расплавятся волосы, лопнут глаза. Боль будет ощущаться только в первые десять секунд, затем погибнут нервные окончания, и она перестанет чувствовать боль. Начинай!

— Я скажу! — простонал бухгалтер.

Он понимал, что все это ни к чему хорошему не приведет. Их убьют, как только он скажет, где деньги. Но лучше умереть от пули в затылок, чем мучиться в огне ацетиленовой горелки.

— Ну вот и прекрасно. — Рифленая подошва Китайца исчезла с его горла, бухгалтер смог вздохнуть полной грудью. И он начал говорить.

— Папа, останови здесь, я хочу мороженого! — попросила Дженни, и Алекс Уорф притормозил. Каждая вторая суббота месяца — вот и все, что осталось у него от прежней семейной жизни. Он знал, что не был примерным мужем и отцом, однако никогда не подозревал, что Линда отнимет у него дочь.

Ее адвокаты сделали все возможное и невозможное, чтобы представить его в суде как сомнительного субъекта, фотографа без твердого заработка, ведущего к тому же аморальный образ жизни. Они отыскиали его нескольких подружек — Алекс не помнил ни их имен, ни обстоятельств, при которых он переспал с ними. Суду этого вполне хватило, было вынесено решение в пользу матери об опеке над Дженни. Он был обязан платить

кругленькую сумму в качестве алиментов и имел право каждую вторую субботу видеться с дочерью.

— Пошли, я куплю тебе, — сказал Алекс, притормозив у супермаркета.

Голова у него трещала, не нужно было вчера курить марихуану. Он же знает, что, если Линда пронюхает об этом и настучит в комитет по опеке, у него отберут и эту единственную возможность видеть Дженни. Настроение у Алекса Уорфа было отвратительное, он сидел без работы уже третью неделю, восемнадцать журналов отвергли его снимки, а из пяти даже не прислали отказа — они и за человека его уже не держат.

Черт возьми, ведь было время, когда имя Алекса Уорфа автоматически открывало все двери, он был желанным гостем на любой вечеринке голливудских звезд, заказы на него так и сыпались как из рога изобилия. Это было давно, так же давно, как и идиллическая жизнь с Линдой. Они любили друг друга, хотя теперь вспоминать об этом было неловко. А что произошло потом? Алекс не знал, кто был виноват в том, что его фотографии упали в цене, появились более молодые и ловкие, он перешел на третьесортные фото, начал пить, увлекся травкой. Да, если бы все можно было изменить...

— Папа, подожди меня в машине, — капризным тоном произнесла дочь. — Я уже большая, мне не нужно, чтобы ты сопровождал меня. Билл это понимает. И еще, папа, у тебя право быть со мной до шести, но меня пригласил Джордж на день рождения, ты ведь сможешь отвезти меня к нему?

Алекс закрыл глаза и кивнул. Затылок словно свинцом налился. Дженни выросла, он видит ее два раза в месяц, и она все больше отдаляется от него. Алекс запомнил ее малышкой десяти лет, теперь ей пятнадцать, и она превратилась в современную девушку. Конечно, зачем ей отец-неудачник, про которого мать каждый день твердит, что он загубил не только свою жизнь, но и ее тоже. Линда снова вышла замуж, Алекс пытался протестовать, но его адвокат сказал, что они ничего не в си-

лах изменить, появился этот Билл. Чертов Билл, которому Уорф столько раз был готов расквасить лощеную физиономию, от чего Алекса удерживало только то, что тогда-то его точно лишат возможности видеть Дженни. А нужен ли он ей? У нее есть Джордж, очередной бойфренд. Она уже не играет в куклы и не смотрит мультфильмы про Дональда Дака.

Алекс потянулся и вышел из машины. Нет, он не позволит Линде испортить ему свидание с дочерью. Только подумать — он видится с ней, как заключенный.

— Малышка, — сказал Алекс, когда Дженни вернулась, — я хочу...

— Папа, — произнесла дочь покровительственным тоном, — не называй меня так, мне уже пятнадцать. Мама и Билл давно не называют меня малышкой!

Алекс заскрипел зубами, но ничего не сказал. Может быть, стоит натянуть чулок на голову, подстеречь этого Билла в темном углу и отделать его бейсбольной битой? Никто не докажет, что это сделал он, Уорф.

— Дженни, я захватил камеру, — произнес примирительно Алекс. Если он не хочет вслед за Линдой потерять и Дженни, то должен привыкнуть к ее капризам.

— Ой, папа! Классно! — воскликнула дочь.

Алекс растянул лицо в улыбке. Он и не думал, что дочь будет так рада этому пустяку. Чтобы хоть как-то скрасить свое одиночество, он иногда брал на свидание камеру. У него была мысль сделать документальный фильм о том, как Дженни растет, но каждый раз, когда он вплотную подходил к этому, оказывалось, что есть и другие, более насущные дела.

Только работа давала Алексу чувство полного укрепления. Он снимал Дженни в различных местах и ракурсах, старался не повторяться. Время летело незаметно. Осталось еще десять минут — и потом ему нужно везти дочь к Джорджу.

— Папа, давай здесь, — Дженни указала ему на великолепный особняк, полускрытый в тени пальм. В Лос-Анджелесе никого нельзя было удивить этим великолепием. Алексу самому, в период расцвета карьеры,

удалось заснять Мадонну в небольшом магазинчике, где та, растрепанная, без косметики, выбирала нижнее белье. Эту серию снимков у него с руками оторвали за две-сти тысяч.

Алекс осмотрелся по сторонам. В его положении привлекать к себе внимание полиции не самое разумное, владельцы особняка и припаркованного рядом с ним черного «Ягуара» могут оказаться склочными типами, в основном все голливудские суперстар именно такие — он имел возможность лично убедиться в этом.

Никого нет, только неприметный фургон, который медленно движется в начале улицы. За рулем странный тип, обычно такие сидят на скамье подсудимых по обвинению в разбое и изнасилованиях — в последнее время Алекс работал на поприще судебных сенсаций, пытаясь заснять то Майкла Джексона по пути в здание суда, то какого-нибудь маньяка, которому вынесли смертный приговор, или подростка, сбившего по пьянке семерых.

— Пойдем, — сказал он Дженни. — Я пришлю тебе фотографии, и ты сможешь сказать своему Джорджу, что у твоего настоящего отца есть «Ягуар»!

Они подошли к автомобилю. Дженни сразу же преобразилась. Алекс вспомнил, что дочь спит и видит, как стать фотомodelью. Потом одернул себя — собственной дочери он никак не мог пожелать оказаться в этом болоте. Пусть идет в колледж.

Алекс взял камеру и стал снимать дочь. Вот она рядом с черным «Ягуаром», на заднем плане — особняк в итальянском стиле.

— Только близко не подходи! — крикнул он Дженни. Не хватало еще, чтобы сработала сигнализация. — Так, так, хорошо!

Тем временем фургон медленно катил по пустынной улице. Китаец был доволен — бухгалтер не выдержал и с перепугу рассказал ему про пять миллионов. Это все, что требовалось знать.

— Ты поступил умно, что решил сказать правду, —

произнес Китаец. — И знаешь, почему? Потому что это избавило тебя и твою женушку от мучительной смерти. Если сейчас мне позвонят и скажут, что кейс с баксами действительно спрятан под барахлом на чердаке в бунгало у океана, то для тебя все закончится.

Раздалась мелодия «Маленькой ночной серенады» Моцарта, Китаец вынул из кармана куртки мобильный телефон.

— Все в порядке, — произнес грубый голос. — Деньги у нас. Все пять миллионов. Были уложены пачками стодолларовых купюр в старый клеенчатый чемодан.

— Ну что же, мне было приятно иметь дело с таким честным человеком, как ты, — произнес с издевкой Китаец.

Бухгалтер похолодел. Он понимал, что мафиози не оставит ни ему, ни жене ни малейшего шанса.

— Ты работал на меня пять лет, это похвально, и мог бы работать еще столько же и через много лет умереть богатым и уважаемым человеком в собственной постели от старости. Но тебе казалось, что я недоплачиваю тебе. Такого я не прощаю. Так что можешь последний раз взглянуть на свою жену.

С этими словами Китаец подошел к женщине, лежавшей без сознания на полу фургона, и молниеносным движением сломал ей шею. Бухгалтер не успел даже осознать, что происходит. Он только слышал, как громко треснули шейные позвонки его жены.

— Кончайте и его, — приказал Китаец двум помощникам.

Но еще до того, как мафиози с бородкой склонился над бухгалтером, чтобы прирезать его, жертва из последних сил приподнялась и ударила того в пах. Мафиози взвыл и от неожиданности выпустил из руки нож. Звякнув, нож упал, а бухгалтер подхватил его и с остервенением вонзил в ногу своему несостоявшемуся убийце. Никто из герцословаков не ожидал такого поворота событий. Козлобородый заорал, бухгалтер пополз к двери

фургона и нажал на ручку. Дверь приоткрылась, до желанной свободы было всего полметра...

Китаец действовал стремительно. Всего один прыжок — и он оказался около бухгалтера. Обхватив его шею локтем, мафиози коленом уперся в позвоночник жертвы. Бухгалтер закричал, крик вышел глухим. Еще одна секунда — и его тело обмякло. Лысый герцословак в кожаной куртке с черепом втащил за ноги тело бухгалтера внутрь фургона. Китаец, перед тем как захлопнуть дверцу, внимательно осмотрелся по сторонам. Они были в фешенебельном районе — бухгалтер купил себе нехилую трехэтажную виллу за четыре с половиной миллиона. Полиции, слава богу, поблизости нет.

Китаец заметил в конце квартала две фигуры. Похоже, мужик с девчонкой. Ничего страшного, они не могли видеть, что произошло, а если и видели, то предпочитают молчать.

— Заткнись! — крикнул он завывавшему бородачу, который вцепился в раненую ногу. — Нужно было сразу кончать его. А теперь в порт, — приказал он водителю.

Тот молча кивнул. Фургон резко сорвался с места, набирая скорость.

— Необходимо избавиться от тел, — сказал Китаец. — Пусть ими питаются рыбы.

— Что это? — произнесла Дженни.

Она испуганно посмотрела на отца. Алекс насторожился. Он тоже слышал приглушенный крик. Так и есть, фургон, который проехал мимо них несколькими минутами ранее, как в гонках, сорвался с места. Дженни не могла видеть того, что произошло, ведь она стояла спиной к фургону, позируя около «Ягуара». А он видел.

Алекс видел, как дверь фургона распахнулась, появился некто в окровавленном дорогом костюме. За ним выскочил странный бритоголовый тип. Дальнейшее произошло слишком быстро. И все же Уорф краем глаза уловил движение: человека, который пытался покинуть

фургон, втащили обратно. Жертва уже не сопротивлялась. Алексу приходилось, и не раз, снимать трупы. И тот человек очень походил на труп. Сначала был живым, а секунду спустя — уже мертвец. Бритоголовый сломал ему шею.

— Все в порядке, — произнес Алекс.

Скорее всего, это мафиозные разборки. Не хватало еще, чтобы их засекали. Алекс прекрасно знал, как мафия поступает с ненужными свидетелями, — три месяца назад он делал серию снимков с места преступления, это была настоящая бойня, бандиты вырезали целую семью из пяти человек. Итальянская мафия сводила счеты с одним из своих членов, который согласился дать обвинительные показания против ее верхушки в обмен на защиту полиции. Полиция не смогла уберечь осведомителя, в итоге выпотрошили внутренности не только самому предателю, но и его жене и трем малолетним детям. Так сказать, чтобы другие видели наглядный пример нарушения кодекса чести и омерты — обета молчания.

— Дженни, — Алекс спрятал камеру и подтолкнул дочь к машине, — тебе пора, твой Джордж уже, наверное, заждался.

— Папа, что это было? — упрямо стояла на своем Дженни.

Алекс судорожно сглотнул. Ему стало по-настоящему страшно. Не нужно впутывать сюда Дженни и Линду. И даже этого лошеного придурка Билла не следует впутывать. Пусть живут своей обычной размеренной мешанской жизнью.

— Да так, наркоманы балуются, — сказал Алекс. Он вообще-то и сам был наркоманом, но дочери совсем не обязательно быть в курсе. — Нам пора, Дженни. Быстрее, я сказал, быстрее!

Нет, фургон исчез, значит, они не привлекли внимание мафии. Алекс завел автомобиль, и они как можно скорее убрались из шикарного района с виллами и «Ягуарами». Алекс пытался шутить, но это у него полу-

чалось плохо. И зачем он только остановился около этого «Ягуара»?

Дочь, успокоенная его объяснением, уже забыла о странном приглушенном крике. Хорошо, что девочка ничего не видела. Алекс чувствовал — ему необходимо выпить. А лучше — затынуться парой косяков.

Алекс высадил ее около дома Джорджа. Дочь, поцеловав его в небритую щеку, взяла с заднего сиденья подарок, который она приготовила своему бойфренду. Алекс был рад, когда Джордж, высокий и немного прыщеватый увалень, встретил Дженни у порога. Черт возьми, он даже поцеловал ее — и это был не дружеский поцелуй! Какому отцу приятно наблюдать за подобным? Дженни помахала Алексу рукой и исчезла в доме приятеля.

Вернувшись домой, в свою грязную квартирку, захламленную и заваленную банками из-под пива, упаковками от презервативов и грязными носками, Алекс первым делом бросился к холодильнику. После четвертой банки пива он почувствовал, что ситуация нормализуется. К вечеру, после дозы виски и травки, он понял, что ничего страшного не произошло. Ночью, когда ретивая негритянка с силиконовым бюстом елозила по его телу, кусая за шею, он окончательно решил, что все в порядке.

В теплых волнах дурмана он мечтал о том, что в следующий раз, когда он увидится с Дженни, все будет гораздо лучше. Никакой мафии, никакого Билла.

Алекс не знал только одного — следующего раза не будет. Когда Дженни увидела его в следующий раз, он лежал в гробу. Мертвый. С дырой в сердце от узкого длинного лезвия. Дочь поцеловала его в окоченевший лоб, покрытый специальной краской для покойников (для придания телу усопшего приятного для глаз оттенка, как гласил рекламный проспект похоронного бюро). Бывшая жена Линда (черный цвет ее старил, но пришлось надеть, все-таки похороны мужа, хотя и бывшего) для приличия чуть всплакнула, ее новый супруг Билл сжал ее ладонь своей. Затем гроб с телом Алекса был

кремирован, а прах заключен в небольшую серебристого оттенка стальную коробку, тем же вечером всхлипывающая Дженни в компании с Джорджем развеяла его на берегу Тихого океана.

Однако до этого события предстояло произойти еще череде других. До смерти фотографа Алекса Уорфа осталось еще шестнадцать дней.

18 марта, Лос-Анджелес

Китаец насторожился. Ему показалось, что за окном мелькнул луч фонаря. Он бесшумно поднялся и осторожно подошел к окну, которое и днем и ночью было забрано жалюзи. Он осторожно взглянул на то, что происходит снаружи. Перед домом был установлен мощный фонарь. Бездомный катил перед собой набитую хламом детскую коляску.

— Милый, — услышал он нежный голос своей подружки, — возвращайся, нам вместе было так хорошо!

Китаец отошел от окна и оказался рядом с кроватью, застеленной черным шелком. Закинув руки за голову, его ждала рыжеволосая дива с идеальной фигурой. Китаец плотоядно усмехнулся. Что ему нравилось в этой долбаной Америке, так это шлюхи. В Экаресте, столице его родины Герцословакии, — а там он в последние годы бывал редко, навещал престарелых родителей, — шлюхи брали много, а делали мало. Здесь путаны были готовы на все.

Он опустился на ложе рядом с рыжеволосой. Он познакомился с ней несколькими часами раньше в шикарном баре и сразу же понял, что хочет ее.

Женщина поцеловала его, он взял инициативу на себя и с нахрапом навалился на нее стокилограммовым телом.

В этот момент до его уха донесся слабый звук. На Китайца уже около года охотилась вся американская полиция, поэтому ему и приходилось соблюдать все меры предосторожности. Но это не помешало ему совершить за этот год еще ряд грандиозных преступлений.

Он попытался вскочить, но рыжеволосая шлюха мертвой хваткой вцепилась в него. Он ударил ее по лицу, однако женщина нанесла ему серию ударов в солнечное сплетение. Китаец оказался не готов к этому, обычно женщины, с которыми он спал, были послушными и боязливими.

В соседних комнатах, где находилась его охрана, слышались крики и выстрелы. Полиция устроила облаву, у него есть еще шанс — через окно.

Полностью обнаженная шлюха, отбросив одной рукой со лба длинные пряди огненных волос, а другой удерживая невесть откуда взявшийся пистолет, наглым тоном произносила:

— Сергей Китаевич, вы арестованы, у вас есть право хранить молчание...

Китаец начал безудержно хохотать, он хохотал даже тогда, когда, вышибив дверь, в спальню влетела дюжина полицейских, когда его поставили к стенке, когда на руках у него шелкнули наручники.

— Сержант Маккой, — произнес руководитель операции, обращаясь к проститутке, которая, закутавшись в черную шелковую простыню, навтыяжку стояла перед ним, — вы превосходно справились с поставленной задачей, благодаря вам опасный преступник арестован. Думаю, что вам недолго ждать повышения. Кроме того, я буду просить о представлении вас к награде.

— За что? — все еще давась от хохота, произнес Китаец. — За то, что дала мне? Черт возьми, меня арестовала шлюха, которая оказалась замаскированным сотрудником полиции. А вас что, в полицейской академии учат в том числе и траханью с мафиози?

Сержант Маккой подошла к Китайцу, презрительно посмотрела на его естество и изо всей силы ударила в пах. Китаец упал на колени, в глазах у него потемнело. Полицейские, дружно улюлюкая, заплотировали.

— Служу Америке! — провозгласила сержант.

Китайца схватили и грубо потащили к выходу. Его уже ждал кортеж полицейских машин.

22 марта, Лос-Анджелес

Китаец знал, что говорить. В Экаресте сейчас около полуночи, но его это не волновало. Он набрал номер, который помнил наизусть. Трубку сняли после третьего звонка, словно кто-то выжидал.

— Это я, — хрипло сказал в трубку Китаец. — Ты меня узнал?

Собеседник Китайца узнал его сразу же. Он ждал этого звонка с момента его ареста.

— Конечно, Сергей, — ответил собеседник. — Как у тебя дела?

— Какие могут быть дела в поганой тюрьме? Американцы взялись за дело всерьез. Они хотят сделать из меня смертника. Вы должны помочь мне... Скажи Эдуарду, что я передаю ему большой привет!

Китаец знал: ему грозит смертная казнь. А умирать он не собирался. Для этого он и позвонил в Экарест.

— Ну разумеется, Сергей, — ровно ответил собеседник. Он знал, на что намекает Китаец. — Уверяю тебя, что Эдуард лично обеспечит твоё триумфальное возвращение на свободу. Всем ясно, что ты невиновен. Суд тебя оправдает.

— Как пить дать, оправдает, — осклабился Китаец. Со стороны их беседа выглядела невинной, однако обоим собеседникам был понятен подтекст.

— Не беспокойся, — ответил человек в Герцословакии. — Отдел займется этим. Он подготовит праздник в твою честь.

— Я очень надеюсь, что ваши люди ещё не утратили прежнее мастерство, — сказал Китаец. — А то ведь если что, так и передай Эдуарду — я не буду молчать. Ты, надеюсь, понимаешь? Мне не хочется идти на дно одному. А мне есть что рассказать. Так что действуйте, ребятки!

После этих слов Китаец повесил трубку. Что же, его старый друг Эдуард предупрежден. И теперь он точно не допустит осуждения. Из кожи вылезет, но не допустит. На карту поставлено слишком многое.

Один из бывших подчиненных Китайца, Томаш

Хенрылка, согласился дать показания против него. Хенрылке пообещали простить все грехи и после окончания процесса вручить новые документы и оплатить пластическую операцию. Если Хенрылка расколется, для Китайца это будет означать одно — смертельная инъекция. Томаш знает очень многое.

Поэтому ему надо умереть. Пусть Эдуард и займется этим.

Эдуард Теодорович, которому немедленно сообщили о звонке Китайца, задумался. Китаец практически ничего не сказал, едва ли даже самый изощренный прокурор сможет использовать этот разговор против мафиози. Разговор двух старых друзей, один просил другого о помощи. Разумеется, о юридической или моральной.

Эдуард прошелся по просторному кабинету. Он слышал, как скрипнула дверь, появилась жена. Она уже который год страдала бессонницей.

— Какие-нибудь неприятности? — спросила она.

Эдуард с легкой улыбкой отмахнулся, подошел к жене. Он с нежностью поцеловал ее в лоб. Она стала такой хрупкой, бессонница совсем доконала ее. Надо бы поехать на курорт, говорят, в Австрии есть санаторий, в котором эффективно лечат расстройство сна. Как только Китайца оправдают, они сразу же отправятся в Альпы.

— Да так, ничего серьезного, — солгал он.

Жена подошла к массивному шкафу, достала детектив и, пожелав ему спокойной ночи, удалилась. Похоже, что ни он, ни она не сомкнут этой ночью глаз. Она будет читать, потому что не может уснуть. А он начнет составлять план, как вытащить Китайца из калифорнийской тюрьмы.

Эдуард Теодорович знал Китайца по крайней мере лет пятнадцать, возможно, чуть больше. Тот своих слов на ветер не бросает — он на самом деле знает слишком много. Например, может рассказать о том, как его людям пришлось устранять известного журналиста — писа-

ка пронюхал о многом, поэтому одним весенним вечером, усевшись в собственный автомобиль, он, вместо того чтобы ехать домой, отправился на тот свет. Мощный взрыв превратил его «Мерседес» в груды искореженных обломков. Китаец знал заказчика — влиятельного банкира. У него были документы по махинациям с нефтедолларами, незаконными поставками оружия. И это только верхушка айсберга. В общем, Китаец дал понять — или Эдуард вытащит его из тюрьмы, или он начнет говорить. А это потянет за собой серию грандиозных разоблачений. Китаец не хочет умирать в одиночку.

А если так, то не будет ни отдыха в Альпах, ни тихой семейной жизни с внуками — ничего не будет. Эдуард Теодорович мучительно размышлял. Придется задействовать людей из Отдела, чтобы устранить предателя Хенрылку. Он согласился дать показания против Китайца. Он не должен предстать перед жюри присяжных. Хенрылку скрывают федералы, подобраться к нему, казалось бы, невозможно.

Но для Отдела нет ничего невозможного. Недаром там собраны самые выдающиеся люди. У него есть еще два дня.

Эдуард Теодорович ощутил во всем теле небывалую усталость. Пора завершать свою деятельность в Отделе. Он стоял у его истоков тридцать пять лет назад, и тогда ему было за тридцать. Так хочется обыкновенной жизни, больше не знать ничего об убийствах, насилии, крови, смертях. Жить на даче под Экарестом, читать Коэльо, Достоевского и Фолкнера, вырезать из дерева смешные фигурки зверей и радоваться за внуков. Копаться в огороде и саду, выращивать гладиолусы и смородину.

Он знал, что до этого рукой подать. Он уже подыскал себе замену. Остается только решить проблему с Китайцем. И он решит ее. За последние тридцать пять лет ему приходилось справляться и не с такими задачами.

Справится и на этот раз.

24 марта, Лос-Анджелес

Алекс почувствовал изжогу. Похоже, ему нужно прекратить увлекаться дешевым пивом. Он рыгнул и отшвырнул смятую банку в угол. Черт возьми, когда он последний раз убирался? Разве был последний раз? Кажется, с тех пор как он въехал сюда около полутора лет назад, он ни разу не проводил уборку.

Его подружки, вернее сказать, те из шлюх, с кем он регулярно спал, пытались придать этому жилищу божеский вид, но их попытки ни к чему не приводили. Они были нужны ему для секса, а не для того, чтобы выносить мусор или гонять тараканов.

Он включил настольную лампу. Несмотря на то что был конец марта, в Лос-Анджелесе стояла адская жара: столбик термометра приближался к отметке в тридцать градусов.

Сквозь приоткрытое окно, которое выходило на замусоренную улицу, доносились крики соседей, в основном это были многодетные эмигранты из Коста-Рики и Мексики.

На дисплее компьютера разворачивалось все то, что он снимал около двух недель назад, — его дочурка улыбается около особняка и шикарного черного «Ягуара». Так, а это что? Алекс присмотрелся, точно, этот странный фургон попал в объектив камеры. Медленно катит по тротуару.

Современная техника просто чудо — достаточно иметь даже расплывчатое изображение, остальное сделает компьютер. Изображение пока что плохое, нет четкости. Фургон, который до этого был небольшим темным пятном на заднем плане, стал центральным объектом. Алекс увеличил изображение двери фургона. Теперь можно в замедленном режиме посмотреть на то, что произошло на самом деле.

Медленно и плавно дверь фургона распахнулась, появилось лицо мужчины средних лет, в дорогом костюме, оно было в крови, похоже, кто-то усердно потрудил-

ся над его физиономией. Человек пытается вылезти из фургона, не опасаясь, что выпадет из машины на ходу.

Алекс снова увеличил изображение и сменил светотени. И он смог увидеть, что разыгрывалось в самом фургоне. Чья-то рука на полу, тоже в крови. Кажется, женская. Так и есть, тонкие пальцы, обручальное кольцо. Лица не видно, чья-то нога наступает на кисть руки лежащей женщины. Ага, вот появляется еще кто-то. Отморозок в кожаной куртке с бритым черепом наваливается на пытающегося спастись человека. Черт!

Словно замороженный, Алекс следил за тем, как бугай навалился со спины на человека в дорогом костюме, локоть амбала обхватил шею, затем поворот... Алексу показалось, что он слышит треск ломающихся позвонков. Тело жертвы обмякло, отморозок, убив человека, исчез в фургоне, туда же через секунду втянули и мертвеца.

Почесав под мышкой, Алекс отправился на кухню. На холодильнике валялись кружевные женские трусики. Эта дура оставила ему их в подарок. Он рванул на себя дверцу холодильника, внимательно изучил его недра. Только две банки пива, как так можно жить!

Он вернулся к компьютеру, прокрутил сцену убийства заново. В общей сложности он видел ее двадцать раз. Ну и что теперь? У него есть доказательства того, что какой-то урод с внешностью мафиози убивает богатого хмыря, а в фургоне, похоже, лежит еще один труп, женский. И что из этого?

Алекс увеличил лица жертвы и убийцы. Хрен с ними, он забудет о том, что случайно заснял на камеру.

Удовлетворенный собственным благоразумием, Алекс завалился на диван и включил телевизор. Сегодня он решил отдохнуть от всего, в том числе и от женщин. Выпить пива в одиночестве — что может быть лучше.

Шли новости, сообщили о последних происшествиях в Лос-Анджелесе.

— Сегодня рано утром в районе порта из океана были выловлены два трупа — мужской и женский. По со-

общениям полиции, их идентифицировали как Кевина и Нэнси Корриган, бесследно исчезнувших 11 марта. Смерть в обоих случаях наступила в результате перелома основания черепа. Кевин Корриган в течение многих лет был бухгалтером мафиозных группировок, и эти две смерти, скорее всего, самым тесным образом связаны...

Камера беспристрастно показывала мертвые тела. Они уже несколько изменили очертания, все-таки почти две недели в воде не пошли им на пользу. Зрители, как считали телевизионщики, были прямо в восторге от подобных сцен. Несмотря на распухшие позеленевшие лица, вздутую кожу и изрядно объеденные рыбами лица, Алекс сразу узнал Кевина Корригана — это был тот самый мужик, чью смерть он случайно снял на камеру.

— Хм, — произнес Алекс, осушив банку пива до конца. — Упокойся с миром, Кевин. На мафию, говорят, работал. Наверное, что-то не поделил с боссами или пытался мухлевать. Работодатели такое не любят. В обычных фирмах за это увольняют, а в мафии ломают шею. Ого, неплохо, — заметил Алекс, увидев на запястье мертвого бухгалтера платиновый «Ролекс». — Хорошо жил, Кевин, и умер хорошо.

Алекс отправился за последней банкой пива на кухню, а когда вернулся, то уже шли новости о последнем сенсационном процессе. Арестовали главу герцословацкой мафии на Западном побережье, и теперь все гадали, что же за этим последует.

— Чертовы герцословаки, — произнес Алекс, открывая банку. Он так и знал, пиво, зашипев, вылилось ему на джинсы. Похоже, стирки не избежать, это последние джинсы, в ванной уже скопилась куча вонючего белья, которую срочно требовалось постирать.

— Сергей Китаевич, более известный в криминальном мире как Китаец, обвиняется по более чем пятнадцати пунктам, — вещала симпатичная ведущая. Алекс не отказался бы познакомиться с такой. Раньше, когда он был на гребне славы, такая милашка сама бы прыгнула к нему в койку, а теперь... Теперь ему сорок два, в бу-

мажнике девятнадцать долларов и сорок два цента, в холодильнике кусок засохшей пиццы и банка колы. — Как заявил помощник прокурора Стив Ларкин, Китаевич выйдет из здания суда в наручниках и отправится оттуда прямым путем в камеру смертников.

Мелькнуло довольное лицо молодого помощника прокурора, который уверенно и с апломбом вещал о предстоящем торжестве американской системы правосудия над герцословацкой мафией.

Алекс был согласен с ним: житья не стало от всех этих албанцев, мексиканцев, китайцев, герцословаков, которые в последние годы заполонили Лос-Анджелес. Если дело пойдет так и далее, то, по расчетам демографов, через тридцать лет в Калифорнии англосаксов будет не больше десяти процентов от всего населения штата.

Алекс прильнул к экрану телевизора. Стив Ларкин, ему едва ли больше двадцати семи, а он уже помощник окружного прокурора. Наверное, из богатой еврейской семьи, учился в Принстоне, был лучшим на курсе, чемпион игры в поло. Алекс ненавидел таких — удачливых, уверенных в себе, нахрапистых. Нынешний муженек его Линды, Билл, такой же.

Внезапно Алекс чуть не поперхнулся. Он узнал Сергея Китаевича, которого показывали выходящим из здания тюрьмы в окружении десятка вооруженных полицейских. Мафиози везли в суд на первое слушание.

Это был он. Тот самый отморозок, который прикончил бухгалтера Кевина «Как-его-там», чей труп сегодня выудили из океана. И жену его он тоже наверняка отправил на тот свет.

Ошибки быть не могло! Алекс специально нашел новости на другом канале, там еще раз показали самоуверенное улыбающееся лицо герцословака с чуть раскосыми зелеными глазами. Тот же бритый череп...

Вой сирены ворвался через открытое окно в квартиру Алекса. Он сидел на продавленном диване и думал. Затем изо всей силы отшвырнул жестянку с пивом в угол. Он принял решение.

— Сергей Китаевич убил Кевина Корригана, — сказал он сам себе. — И у меня есть видеозапись этого преступления. Что же, кажется, пришла моя пора. Мой миллион ждет меня!

25 марта, Лос-Анджелес

Томаш Хенрылка победоносно посмотрел на сопровождающих его полицейских. Кто бы мог еще месяц назад подумать, что он, обыкновенная «шестерка», будет столь ценен для американской Фемиды. А теперь он главный свидетель обвинения в деле против Сергея Китаевича, то есть всемогущего Китайца.

— Эй, я просил пиццу с ветчиной, а это что? — сказал он, отшвыривая коробку. — Что это, я спрашиваю вас? Какого лысого хрена вы заказали мне оливки и грибы? Давайте, ребята, ваша задача — ублажать меня, чтобы я соизволил потопить Китайца. То есть не будь меня, вы бы все оказались безработными.

— Чертов серб, — прошептал один из полицейских, вынося из комнаты Хенрылки пиццу. — С каких это пор мы стали у преступников на побегушках?

— Да не серб он, а герцословак. Мы не только у таких, как он, в лакеях ходим, им начали платить миллионы за показания и предоставлять уголовный иммунитет, — отозвался другой, лениво перекатывая во рту жвачку. — Торжество правосудия называется! Давай, Джон, придется тебе снова платить за пиццу этому уроду.

Хенрылку охраняла вся полиция Америки, и это не было преувеличением. Когда прокуратура узнала, что один из подручных Китайца желает выступить в качестве свидетеля обвинения, было принято решение принять все условия, которые выдвинет Томаш Хенрылка. Сошлись на ста тысячах долларов, хотя тот требовал в пять раз больше, новых документах и, главное, полном прощении всех прежних грехов. Только на таких условиях Томаш Хенрылка согласился принимать участие в процессе в качестве главного свидетеля обвинения.

Через несколько часов под усиленной охраной его эскортировали к небольшому частному аэродрому. В течение месяца, пока Хенрылка был под защитой федеральных сил, его перевозили с места на место, чтобы наемные убийцы не могли лишиться жизни одного из самых ценных свидетелей за всю историю американского судопроизводства.

Наконец настала среда, 25 марта — день, когда Хенрылка должен был давать предварительные показания. Это означало, что его надлежит доставить в Лос-Анджелес, где и проходил процесс года.

— Осторожнее! — суетился сам Хенрылка, когда его вели к машине.

Больше всего он опасался мести Китайца. Он прекрасно понимал, что теперь на него открыт сезон охоты.

В течение тридцати двух дней было совершено пять попыток ликвидировать слишком говорливого мафиози. Ни одна из них не увенчалась успехом, однако это не означало, что можно расслабиться и потерять бдительность. Предстоял самый важный участок пути — полет на зафрахтованном самолете до Лос-Анджелеса. Последний опорный пункт, на котором юстиция укрывала Хенрылку, находился в пятистах километрах от Лос-Анджелеса, в небольшом провинциальном городке, на ранчо, купленном ФБР, что служило своего рода конспиративным убежищем для ценных свидетелей.

— Все чисто! — прокричал один из полицейских. Территория аэропорта была тщательно проверена, проезд для обычных клиентов в этот день был закрыт.

Хенрылка наблюдал за приготовлениями полиции сквозь затемненное и бронированное стекло джипа. Что же, американцы умеют работать. Сегодня будет тяжелый день, нужно первый раз предстать перед судом и дать предварительные показания. Потом, как уверял прокурор, он появится в суде только не раньше мая, когда процесс войдет в решающую стадию. Еще пара часов мучений, косые взгляды, хитрые, но бесполезные вопросы адвокатов Китайца — и он на свободе.

— Выводите, — по рации передал один из полицейских. По периметру аэродром был оцеплен людьми в камуфляже и с автоматами наперевес.

В полусогнутом состоянии Хенрылка промаршировал к небольшому спортивному самолету, двигатели которого уже ревели.

— Пристегните ремни, — обратился к Хенрылке один из полицейских. Тот видел, что охрана презирает и ненавидит его, они бы не очень печалились, если бы киллеры все-таки выполнили свою задачу. Однако им приказано защищать, даже ценой собственной жизни, важного свидетеля, и они были готовы умереть ради него. Хенрылке это нравилось.

Хенрылка, как законопослушный гражданин (теперь он должен стать таким, после того как все закончится, он удерет куда-нибудь в Европу и заделается обыкновенным буржуа), пристегнул ремни. Раздалось легкое жужжание, самолет начал разбег, затем, чуть качнувшись, оторвался от земли и взмыл в воздух. Все шло по плану.

— Ну что, ребята, — произнес Хенрылка, обращаясь к полицейским. — Шампанское у вас есть? Мне нужно только французское!

Хлопнула пробка, Хенрылка залпом осушил бокал. Теперь все позади, он практически на свободе.

— Через час мы сядем в Лос-Анджелесе, — сообщил пилот по внутренней рации.

Марта зашла в супермаркет и с восторгом уставилась на все то изобилие, которое лежало в прозрачных и цветных вакуумных упаковках на полках и в коробках. Когда у нее были неприятности или она переживала стресс, Марта не могла придумать ничего лучше, как отправиться в магазин, купить что-нибудь вкусное и, усевшись перед телевизором, устроить себе пиршество.

Сегодня ей предстояло выполнить задание чрезвычайной важности, как сказал Эдуард Теодорович. Впро-

чем, если ориентироваться на его слова, то каждое из заданий, которое ей приходилось выполнять за эти годы, было важное и эксклюзивное.

Она набрала сладостей, хотя прекрасно знала, что они ей противопоказаны, и вернулась к автомобилю. Три сладких кекса, крекеры, любимые шоколадные конфеты с мягкой белой начинкой. И, чтобы запить все это, четыре банки пепси. Наверное, тысячи четыре или пять калорий, а диетолог сказал ей, что она должна сократить свой рацион до двух тысяч, причем потреблять только зелень, молоко и обезжиренное мясо. Тогда она сможет хотя бы немного приблизиться к своему идеалу — Марта со вздохом посмотрела на рекламный щит, где была изображена красотка с классическими пропорциями.

Куда ей до этого! Она обреченно взглянула на себя в зеркальную витрину. Вес не менее ста шестидесяти килограммов, дряблые руки, полосатые шорты, обтягивающие огромный зад, светлая майка, которая под мышками вся пропиталась потом, идиотская оранжевая бейсболка и темные очки в пол-лица.

Марта отправилась к военному аэропорту. Неприметная машина, таких на улицах Лос-Анджелеса тысячи. Номерной знак, разумеется, фальшивый, как и документы. Но это не поможет: она сама как луна в ночи, запомнить и описать ее внешность ничего не стоит. Однако именно это — огромный отвислый живот, груди, похожие на боксерские груши, выбивающиеся из-под бейсболки жирные волосы делали ее незаметной для потенциальных свидетелей. И кто бы мог подумать, что Марта, гром-баба весом в полтора центнера, была одним из лучших кадров Отдела Эдуарда Теодоровича.

Отдел специализировался на заказных убийствах, причем он почти всегда брался за самые безнадежные дела. Предстоял именно такой случай. Марта отправила в рот последние крошки крекеров, осушила банку пепси. Она была недалеко от аэродрома. Самолет с Хенрылкой еще не вылетел, так что ждать осталось не меньше

полтора часов. Но это и хорошо, она может сконцентрироваться.

Марта сняла очки и близоруко прищурилась. Огонь — вот что есть сила. Она прекрасно это знала, знала уже долгие тридцать пять лет. Последние восемнадцать лет она знала это слишком хорошо. С тех пор, как попала в Отдел глупой девчонкой...

Она чувствовала, что голова начинает раскалываться. Так всегда. Ей нужно сконцентрироваться. Еще несколько минут... Перед глазами возникли красные и черные круги, Марта ощущала, что в пальцах начинает покалывать. Значит, все в порядке.

Тридцать пять лет назад Эдуард Теодорович начал собирать всех, кто обладает способностями, собирать, чтобы использовать их в своих грязных целях. Но он прав — в итоге за всем стоят деньги. Если бы не Эдуард Теодорович, она бы так и жила в своем городишке, ее бы третируют, унижали, возможно, убили бы.

Машина находилась за поворотом. Внезапно появился полицейский, подошел к автомобилю, стоявшему на обочине. Конечно, этого мафиози охраняют, к аэропорту никого и близко не подпускают. Но чтобы убить, ей и не нужно быть рядом.

— Мэм, ваши документы!

Тяжелый взгляд, полный жалости к ней. Еще бы, такая неуклюжая, вспотевшая, растрепанная, с крошками крекеров на сиденье и пятнами пепси на майке.

Она молча протянула ему документы.

— Вам лучше уехать, мэм, здесь проводятся учения.

Полицейский с выражением жалости и брезгливости протянул Марте заляпанные соусом документы.

— Конечно, уеду, — огрызнулась она, задыхаясь. — Но вы что, не видите, мне плохо! Я остановилась, чтобы принять таблетки. У меня больное сердце!

— Разумеется, мэм. Вам требуется помощь?

— Оставьте меня в покое! — завизжала Марта. — Я что, не имею права остановиться на обочине?

Полицейский едва не выругался. Кому-то очень

крупно не повезло, если он живет и, главное, спит с этой бабищей. Взгляд полицейского стал презрительным. Марта знала: когда начнется расследование, он не доложит о ней, ее образ окажется вытесненным из его памяти, потому что он и предположить не сможет, что убийца — эта толстуха в старом «Паккарде».

Полицейский отошел. Оставил ее в покое, так было сотни раз. Все думают, что убийцы стройны, подвижны и симпатичны. Она жирна, неповоротлива и страшна. Но это не мешает ей убивать. За все долгие восемнадцать лет не было ни одной осечки. Не будет и сейчас.

Вскоре на горизонте показалась точка. Самолет. Тот самолет, который ей нужен. Теперь самое главное — концентрация.

Спустя три минуты шасси коснулось бетона взлетно-посадочной полосы. Марта, вцепившись побелевшими толстыми руками в руль, неотрывно следила за самолетом. Он бежит навстречу смерти. Забавно.

Еще мгновение. Головная боль усилилась, перед глазами возникла знакомая кровавая пелена. Все, начинается... Ее стало трясти, пот катил градом.

— Все системы в полном порядке, — произнес пилот. — Никаких происшествий...

Огонь возник неожиданно и повсеместно. Стоящие на летном поле могли видеть, как неожиданно, словно из другого измерения, взметнулся язык пламени, который поглотил весь корпус самолета. Хенрылка дико заорал, когда неожиданно в салоне вспыхнули обивка и ремни безопасности.

Последовал взрыв. Остов самолета по инерции все еще катился вперед, но от самого салона уже ничего не осталось. Взрыв был огромной мощности, он разнес весь корпус. Томаш Хенрылка, главный свидетель обвинения в процессе против Китайца, скончался мгновенно.

Марта удовлетворенно вздохнула. Головную боль как рукой сняло. Все было позади. Она вскрыла упаков-